

Ши Лина

**ПЕРСОНИФИКАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ НАУКИ
И МОРАЛИ В РОМАНЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»***Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье исследуется образ ученого с точки зрения писателя Леонида Леонова. На основе изображения двух зеркальных, или кривозеркальных образов в романе «Русский лес» рассматриваются идеи Леонида Леонова о проблемах приближения к истине в процессе научного исследования. В отличие от наличествующей исследовательской литературы, рассматривающей характер Ивана Вихрова исключительно в противостоянии характеру и типу Александра Грацианского, данная статья рассматривает проблему системно, указывая на истоки формирования одного и другого типа ученого, а также на авторский путь осмысления движущих сил науки и демагогии, запечатленных в убедительных художественных образах. Автор романа образно воплощает современные ему научные пути, он в них погружен не только как художник, но и как исследователь. Целью данной работы является выяснение способов персонификации научных идей в стиле романа «Русский лес», влияющих на характер создания жанровых доминант, определяющих как его структуру, так и символику и семантику в целом. Актуальность исследования состоит в том, что обширная литература, посвященная изучению произведения, рассматривала его в отдельных составляющих, но не касалась этой важной проблемы системно. Более того, проза, рассматривающая образ ученого в отечественной литературе, решает его по-разному и не всегда убедительно, тогда как Л. М. Леонов делает это, прибегая к комплексу средств, убеждающих, что разноуровневый синтез как в прозе, так и в науке способен приближать к убедительным научным и художественным результатам. Именно поэтому в статье используется сравнительно-исторический метод (Ф. И. Буслаев), применяемый как для сопоставления персонажей внутри произведения, так и для определения функции компонентов произведения в различных образно-семантических обстоятельствах, и семасиологический подход (А. А. Потенбя), которые в совокупности способствуют выявлению особенностей индивидуального стиля писателя.

Ключевые слова: образ ученого, истина, русский лес, антитеза, синтез искусств

Shi Lina

**METHODS OF CREATING THE IMAGE OF A SCIENTIST
IN LEONID LEONOV'S NOVEL "THE RUSSIAN FOREST"***Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,*

Abstract. This article examines the image of a scientist in his development from the point of view of the writer Leonid Leonov. On the basis of the image of two mirror or curved mirror images in the novel "The Russian Forest" Leonid Leonov's ideas about the problems of approaching the truth in the process of scientific research are considered. Unlike the existing literature on the subject of the research, which analyses the character of Ivan Vikhrov in opposition to the character of Alexander Gratsiansky, this article examines the problem systematically, pointing to the origins of the formation of one and the other type of scientist, as well as the author's way of understanding the driving forces of science and demagoguery captured in convincing artistic images. The author of the novel figuratively embodies the scientific paths contemporary to him; he is immersed in them not only as an artist but also as a researcher. The purpose of this work is to clarify the artistic and speech components that form the image of a scientist in the novel by L.M. Leonov "The Russian Forest". These components influence the nature of the creation of the genre dominants of the novel determining both its structure and the symbolism and semantics

of the style of the novel as a whole. The relevance of the study lies in the fact that the extensive research works devoted to the study of the novel analyze its separate aspects and do not address the aforementioned important issue systematically. Moreover, the prose dedicated to the image of a scientist in Russian literature solves it differently and not always convincingly, while L.M. Leonov does this with a high level of credibility, resorting to a set of means convincing that a multi-level synthesis, both in prose and in science, is capable of bringing us closer to convincing scientific and artistic results. That is why the author turns to the comparative historical method (F.I. Buslaev) used both for comparing characters within the work, and for determining the function of the components of the work in various figurative and semantic circumstances and to the semasiological approach (A.A. Potebnya), which together help to reveal the features of the individual style of the writer.

Keywords: *image of a scientist, truth, Russian forest, antithesis, synthesis of arts*

Введение. Л. М. Леонов (1899–1994) – классик русской литературы. Его многотомное собрание сочинений – свидетельство того, что проблемы, поставленные писателем в прозе и драматургии, не только не устаревают, но и, напротив, становятся все актуальней. К числу таких проблем относятся проблемы экологические, вопросы о нравственном отношении к природе, о роли ученых, чиновников, инженеров и народа в сохранении и приумножении природных богатств, укреплении духовно-нравственных оснований жизни народа, страны и планеты. Уже апробировавший подходы к важнейшим вопросам цивилизации и природы и их взаимоотношения в романе «Соть», который вышел отдельной книгой в 1930 г., Л. М. Леонов в «Дороге на Океан» (1935) концептуально и одновременно метафизически выстраивает пути отдельных людей и человечества в будущее. Критики отмечали в обоих произведениях писателя линию производственного романа. Производственная составляющая значительна и в романе «Русский лес», но она, представляющаяся самоочевидной, вписана в широкий круг других содержательно-жанровых линий. В чем специфика этих линий и какова их роль в формировании внутренней формы произведения? Как доминантные идеи романа реализуются через систему персонажей и какими чертами для этого должен быть наделен главный герой? [1, с. 121]. Вопросы производства, лесопроизводства, лесной промышленности, несомненно, актуальны, однако автор стремится разрешить их так, что они иницируются или «продвигаются» конкретными личностями, коллективами, социальными группами, т. е. персонифицируются. Писателя интересует роль личности в решении вопросов, которые ставит сама жизнь [4, с. 18]. И эта личность не человек вообще, не только его семейные, национальные, социально-государственные связи. Дело его жизни, полагает писатель, – служение благу народа, Родины, человечества. Не случайно в центре романа «Русский лес» стоит личность ученого, решающего и узкопрофессиональные задачи, и основополагающие – аксиологические. Под аксиологическими задачами, решаемыми внутри литературного произведения, следует понимать те, что способствуют формированию целостной картины мира не только настоящего, но и будущего, базирующейся на традиционных духовно-национальных приоритетах (идеала добра, красоты, Отечества). Именно их О. В. Казаченко в своей докторской диссертации «Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке» определяет как «фундаментальные основы бытия, принципы его познания и основополагающие ценности, которыми руководствуются человек и человечество» [6, с. 3] В романе «Русский лес» Л. М. Леонов обращается к проблеме приоритетов, которые определяются не как внешняя и частная проблема, а как общенаучная и общенародная, ибо правота научного или псевдонаучного пути становится очевидной благодаря столкновению идей, персонифицированных автором в антитетичных образах ученых.

Целью данной работы является определение способов персонификации научных идей в стиле романа «Русский лес», влияющих на характер создания жанровых доминант, определяющих как структуру романа, так и его символику и семантику в целом.

Следует напомнить, что бурно развивающиеся наука и техника в 1910–1950 годах дали миру судьбоносные открытия, значение которых невозможно переоценить: открытие возможностей полетов в космос (К. Г. Циолковский), открытие ноосферы (В. И. Вернадский) и др. При этом вопросом, волновавшим и ученых, и писателей, оставался вопрос о взаимообусловленности науки и нравственности. В 1930 г. выходит небольшая книга Циолковского под красноречивым названием «Научная этика» [13, с. 65], хотя ученый уже обращался к этой теме в 1902 г. в работе «Этика, или Естественные основы нравственности». В 1936–1938 гг. В. И. Вернадский готовит и публикует труд «Научная мысль как планетное явление», отдел 3 принципиален в описываемом отношении: «Новое научное знание и переход биосферы в ноосферу» [2].

Проза в России и в СССР откликается на вызовы времени. Ведь литература стремится постичь тайны мироздания, приближаясь к их открытию своими, образными средствами. Именно поэтому литература, особенно проза, с главным героем – ученым – явление нередкое уже в 1920-х годах: М. А. Булгаков в своих фантастических повестях «Собачье сердце» (1925), «Роковые яйца» (1925) выводит главным героем профессора (опубликованная с сокращениями тогда же она вышла с названием «Луч жизни»); А. Н. Толстой обращается к жанру фантастической повести, которую считали прогностической («Гиперболоид инженера Гарина» (1927)); Леонид Леонов в «Дороге на Океан» (1935) отправляет неназванного писателя вместе с духом Курилова в будущее, чтобы увидеть, как удалось людям построить это будущее; Александр Беляев выносит в название романа образ ученого «Голова профессора Доуэля» (1937) (роман выходил и под другим названием – «Когда мертвые оживут» (1937)). Так писатели размышляли и о бессмертии гения, и о нравственной судьбе изобретений. Однако мы перечислили лишь произведения с выраженной фантастической и часто гротесково-сатирической составляющей: ученый в ряде этих произведениях недооценивает законы развития человеческой природы, порой игнорирует отсутствие в поведении людей этического компонента. Возле гения странным образом оказывается или человек недалекий, но карьерист, или ушлый делец. В любом случае подобный тип, своеобразный двойник героя, может либо присвоить открытия гения, либо шельмовать их. Понятно, что к осмыслению вопросов личностных отношений не сводится круг писательских задач названных авторов и самого Л. М. Леонова.

Задуманный во время Великой Отечественной войны, роман «Русский лес» продолжает осмысление задач, которые стояли перед автором «Соти» и «Дороги на Океан». В романе 1953-го послевоенного года острее встали и вопросы морали, и вопросы созидательной деятельности народа. Однако бурные обсуждения романа «Русский лес» в Союзе писателей касались прежде всего проблем лесной промышленности. Критикам бросалась в глаза «заготовка леса» любыми способами. Писатель, выступивший с предостережениями варварского истребления лесных ресурсов, ставился критиками в один ряд с людьми, мешающими государству, сомневающимися в правильности генеральной линии партии и государства. Однако художник и мыслитель Л. М. Леонов заставлял задумываться одновременно и о судьбе лесных ресурсов, и о нравственном отношении к этим богатствам, духовно-нравственным «запасам» русского народа, указывая, как прочно связаны эти два глобальных вопроса, а игнорирование их решения в угоду конъюнктуре и ничем не обоснованной позиции чиновников от науки и промышленности может быть чревато гибелью и леса, и народа.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность данного исследования состоит в том, что современному литературоведению при рассмотрении прозы, стремящейся

решать насущные проблемы экологии, нравственности в научных изысканиях, необходимо обратиться к успешному художественному опыту мастеров, заслуживших высокую оценку, таких как Л. М. Леонов, В. А. Каверин. С другой стороны, обращение к данной проблеме вообще должно послужить импульсом к тому, чтобы писатели и литературоведы внимательнее и ответственнее относились к изучению типа ученого, в какой бы области он ни трудился, к проблемам, которые заставляют осмыслить деятельность ученого в контексте вопросов цивилизации и природы.

Материал и методы исследования. В статье в качестве материала исследования рассматривается феномен ученого (диаметрально противоположные в нравственном отношении его типы, генезис) в романе Л. М. Леонова «Русский лес» с отсылкой к подобным образам у предшественников и современников.

Основным методом исследования избран сравнительно-исторический метод, позволяющий увидеть как сходство, так и различия в формировании образа ученого в романе, а также семасиологический подход, требующий внимания к стилеобразующим компонентам произведения.

Результаты исследования и их обсуждение. В романе «Русский лес» Л. М. Леонов описывает двух героев – Ивана Вихрова и Александра Грацианского. Их взаимоотношения и отношения к предмету исследования впечатляют читателей, вызывают острую дискуссию; спор героев по важнейшим научным вопросам побуждает читателей к размышлениям о подлинном и мнимом в путях и результатах научного поиска.

Леонид Леонов в романе «Русский лес» изображает «свой», «новый» образ ученого, откровенно объясняет, почему Иван Вихров по существу является ученым, а не просто лесником. Концепция использования и восстановления лесных ресурсов не выдумка, Вихров опирается на научное знание, на российские пути академической науки: наука в его понимании не обособленная от человека отрасль хозяйства. Иван понимает, что надо жить и думать так, чтобы быть в согласии с мирозданием. В своих размышлениях он парфразирует идеи К. Э. Циолковского об определяющих принципах науки: «Наконец он (человек – Ш. Л.) понял субъективную непрерывность и бесконечность жизни каждого кусочка материи. Он понял, что, делая зло другим существам, он делает зло самому себе – в беспредельной жизни своего будущего» [13, с. 26].

Именно эта мысль определяет взаимоотношения мальчика и старика, Вани и деда Калины, но она же определяет конфликт бывшего крестьянина, а теперь купца Кнышева, который окажется на стороне зла, потому что эгоцентризм и жажда наживы лишают его души, и Ивана. Леонид Леонов показывает зеркальность персонажей, внешне никак между собой не связанных.

Определяющие принципы жизни человека, заботящегося о будущности, а не только об эфемерной сиюминутной материальной выгоде, опираются на мощное духовно-нравственное основание. В. И. Ленин в своих конспектах «Науки логики» Гегеля формулирует путь научного познания, его алгоритм: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [8, с. 152–153]. «Живое созерцание» начинает формироваться у Ивана в детстве, когда он еще мальчик, любит лес, в нем говорит «обостренное чутье природы» [9, с. 73], он всегда «удовлетворялся бескорыстным знанием тайны» [9, с. 73], созерцанием ее. В науке ведь тоже главное – бескорыстие, отсутствие жажды материальной выгоды. В «Мирозданье по Дымкову» (1974) он говорил: «Миллионы стоят у храма науки и не знают, о чем там моленья, и просят приоткрыть хоть оконце» [10].

Тайна научного пути, неожиданность и предсказуемость дорог, приводящих молодых людей на стезю исследователя, обратившегося к тайнам природы, дана и в романе В. А. Каверина «Открытая книга». Героиня В. А. Каверина не вымышленный от начала

до конца персонаж, у него есть прототип – микробиолог Зинаида Ермольева. При всем различии типологических черт героев Леонова и Каверина в романах этих писателей есть принципиально важные схожие сюжетные компоненты. В детстве случай сводит героиню Каверина со стариком-доктором, человеком увлеченным, несмотря на статус пенсионера, продолжающим напряженно размышлять о новых лекарствах. Этот сюжетный ход вспоминается, когда мы читаем о детстве Вани Вихрова и его знакомстве со стариком – Калиной Глуховым. Вопросы науки у В. А. Каверина тесно связаны с поведением ученых в коллективе, который должен быть коллективом единомышленников. Напоминание о романе В. А. Каверина важно, потому что, как видим, в широкой теме «ученый – путь в науку – путь к открытиям – вдохновляющая сила практики для состоявшегося ученого» у Л. М. Леонова есть единомышленники. Иван Вихров как ученый во многих отношениях формировался будто бы внутри жизни природы [5, с. 211], где бескорыстие – явление само собой разумеющееся. Напомним незабываемую сцену романа, когда у Ивана проявляется особенное чувство любовного отношения к природе. Купец Кнышев с высокомерием рубит тысячелетнюю сосну. Иван увидел, как «кровка забрызгала» [9, с. 102], как «алая снежная пыль посыпалась» [9, с. 102], как жертва упала на землю. Для Ивана лес и деревья в нем и тогда, и потом, когда он повзрослеет, не являются лесоматериалом, они живые существа, как и человек. Детство, проведенное рядом с дедом Калиной, учеба в лесном институте помогают Ивану обобщать и систематизировать свои знания о лесе, стимулируют путь «от живого созерцания к абстрактному мышлению». Он понимает причины, следствия, доводы и причины для восстановления природы, вносит свое представление о мире и судьбах леса в книги «Введение в науку о лесе», «Судьбы русского леса» и другие, читает лекции студентам. Вихров является благородным рыцарем, бесстрашным воином, самоотверженно защищающим доверенный ему участок земли [5, с. 205]. Что касается последнего этапа познания истины – практики, то Иван берет на себя задачу восстановить то, что загублено. Наука, по Вихрову, служит делу устройства бытия наилучшим образом, когда человек находится в согласии с природой. Он ее верный сын, а не угнетатель, истребляющий природу себе в угоду. Дочь вспоминает, как в беседе со знаменитым физиком он (Л. М. Леонов – Ш. Л.) высыпал на голову Ландау формулы и Хаббла, и Леметра, и Доплера, и Фицджеральда... [10]. Писавший о судьбах леса, сам писатель был глубоко осведомленным, научно осведомленным человеком.

В тех же воспоминаниях Н. Л. Леонова приводит слова Ландау об отце: «Прощаясь, когда Леонид Максимович уже прошел вперед, Ландау удивленно засмеялся: “Побольше бы физикам таких лириков!”» [10].

В образе Ивана Вихрова, в его научной и жизненной практике, несомненно, отразились напряженные размышления писателя о судьбах и Родины, и мироздания. Однако его путь, кажущийся единственно верным, сталкивается с совершенно иным представлением о науке и научной деятельности. Л. М. Леонов указывает на то, что Иван Вихров не против здоровой полемики, но препятствия, возникающие перед ним, имеют нравственную природу. Наука, полагает писатель, идущая диалектическим путем, точно сформулированным В. И. Лениным, только тогда живое дело, когда соблюдает нравственные законы. Мальчик Ваня встретил старика Калину, защитника леса, и купца Кнышева, озабоченного только выгодой. Уже тогда ребенок получает первые уроки нравственного отношения к природе. И если Иван Вихров – дитя леса и родственная душа деда Калины Глухова, то полной противоположностью ему окажется Александр Грацианский, не имеющий как будто ничего общего с купцом Кнышевым. Какие будто бы исследовательские, а по сути псевдонаучные пути наметил ученый-антипод Вихрова Александр Грацианский? Сравнение Вихрова с Грацианским дает ответ на вопрос о подлинности и мнимости научного пути и его целях. Внешне Грацианский – ученый, кабинетный ученый, он мыслит интересно, но только это не приближает его к истине.

Наука, деятельность в науке состоит, – говорит писатель, – не в абстрактном умствования, как делает Грацианский, а в том, чтобы, изучив природу, человеческое общество, различные сферы, формы научного знания, сделать жизнь человека и жизнь природы более согласными и сохранными, приумножающими богатство природы и человеческого духа. А это-то как раз является целью всей жизни Вихрова. Он говорит: «Никто не может поручить мне моих гражданских обязанностей. Смысл моих знаний, я полагаю, в том, чтоб содержать в порядке лес и сигнализировать народу о всех изменениях в его состоянии» [9, с. 452]. Так пишет человек, которому открыт язык самой природы: «Вот это его качество мне представляется чрезвычайно важным: то, что ему был внят язык дерева, металла, растений, кустарников, деревьев. Наверное, это и есть доказательство его дара вживаться в другую душу, уметь следовать незнакомой логике» [10]. Сродни автору романа и его герой. Напротив, такие ученые, как Грацианский, хотели бы утвердить свою точку зрения, им не важно, способствует она тому, чтобы лес и природа процветали в России или наоборот. Грацианский избрал науку формой самоутверждения, он паразитирует на открытиях Вихрова, создавая себе имя. Поэтому, когда Вихров решает прекратить борьбу с Грацианским, возвращаясь в лес, на лице Грацианского промелькнет «странное, ускользающее беспокойство» [9, с. 706]. Грацианский знает, что, если ушел Вихров, то «школка Грацианского с ее негативными установками становилась лицом к лицу с народом» [10, с. 706], «тогда-то к Грацианскому и обратится требовательное внимание общества» [9, с. 706]. Это будет весьма неприятно, но показательно: он чужд народу, и народ чужд ему.

Как пишет Л. М. Леонов, люди, которые находятся в лагере Грацианского, считают, что лес становится сказочным неразменным рублем [9, с. 314], он способен выполнять функцию восполнения брешей государственного бюджета, лесом начнут латать дворянские мундиры [9, с. 314]. Чик считает, что «уничтожение лесов есть явление, если и не совсем прогрессивное, то, во всяком случае, вполне закономерное в процессе развития культуры...» [9, с. 460]. А Александр Грацианский становится фигурой, синонимичной купцу Кнышеву. «Грацианский, грацианские, грацианщина для Леонова – это сатанинская сила зла, которая беспощадна к защитнику родных лесов и рек и отечественной природы, профессору Вихрову, и которая, испугавшись могущества и силы духа русского народа, ведет себя по-варварски» [7, с. 11]. Но для Вихрова дело совсем в другом. Русский лес требует восстановления, воспроизводства, говоря языком промышленников. Промышленность не должна вставать на сторону тех, кто истребляет лес. Грацианскому трудно понять взаимообусловленность всего в мире, он даже восклицает, что не может быть «выражения *лес пашет землю*, чего он в действительности делать не может, так как он не человек» [9, с. 444]. Но, фигурально говоря, в словосочетание «русский лес» самой жизнью внесены образно-метафорические значения. По отношению к природе судят о характере человека, и, если он проявляет себя как варвар (неважно, практик или теоретик), ведь то, что он проделывает с лесом, он проделывает и со своей душой, зло, причиненное природе, обязательно вернется к нему.

Л. М. Леонов пишет, что «поэтический образ леса – образ существа живого, чрезвычайно благожелательного и деятельного на пользу нашего народа» [9, с. 308]. Для Вихрова лес – это не подчиненное пространство, он не чувствует себя хозяином леса, старшим над ним, лес для него – живой организм. В этой связи необходимо напомнить слово «энтропия», важное для философов и биологов, которое означает разлад в системе, приводящий к исчезновению энергии. Биологи утверждают, что необратимость энтропии характерна для механических систем, но если система живая, биологическая система, как, например, лес, то это процесс обратимый. Система способна к восстановлению. В размышлениях о том, кто такой ученый, какими качествами он обязан обладать, Л. М. Леонов

утверждает, что ученый не может подходить к лесу как к неживому существу и при этом сам не имеет права вести себя как механизм, в противном случае обе системы не имеют будущего. Таким образом, в изображении конфликтов и связей людей и природы в романе главное – связь, узы леса и человеческой души, души народа, а потому, как видим, слово «энтропия» объясняет многое. Природа и человеческая душа способны восстановиться. Живое, биологически живое, имеет механизмы повернуть процесс энтропии вспять, восстановиться, даже оказавшись в самой трагической точке своего развития. То же самое можно сказать о человеке, о человеческом сообществе: если люди становятся механизмом, ведут себя бездушно и руководствуются одной лишь выгодой, то возродиться невозможно. Эта мысль очень важна для понимания содержания романа. Такие лесники, как Вихров, думают и живут в живом лесу, где все может превратиться в тлен и прах, но они понимают, что на них лежит ответственность за будущее леса – природы и леса – народа, ведь, как человеческая душа, он может и должен жить вечно.

Потребительское отношение Грацианского к лесу – свидетельство механистичности, бездушной абстрагированности. Грацианским не руководит мысль о будущности леса, для него лес – это прикладное дело в его демагогических суждениях о процветании государства, а спасти лес способны только живые.

Ключевой разговор Грацианского и Вихрова происходит около родника, в этой сцене каждая деталь важна и символична. Детали разговора «рифмуются» с эпизодами детства Вани Вихрова, есть параллели и со славянской мифологией (сказочная битва на Калиновом мосту). Родник, как говорит автор, – это душа леса. Для Вихрова родничок – это земная жила с большой силой, «если заткнуть, то всю землю тогда разорвет. Мальчики спустились и стояли со склоненными головами, как и подобает паломникам у великой святыни» [9, с. 78]. Родник – это тайна зарождения человечества и начало жизни, а лес служит защитой его от разрушения врага. Родник для героя Вихрова тоже важен: родничок дает ему светлое, беспричинное ликование с этого времени защищать лес, защита родника становится целью всей его жизни. Поэтому, когда Грацианский ковыряет палкой в роднике, Иван кричит: «Я убью тебя!» Грацианский не просто способен заглушить этот конкретный родник, в этой сцене точно показано его диаметрально противоположное отношение к тому, что свято для Вихрова, который относится к лесу как к родине, к родному, родовому. Грацианский говорит Вихрову: «Ты большой человек и владеешь своим неиссякаемым родничком живой воды» [9, с. 466]. Удивительное сочетание слов Л. М. Леонова «неиссякаемый» и «родничок» как будто бы оксюморонное, потому что кажущееся незначительным слово «родничок» соединено со словом, обозначающим вечное. И это сочетание глубоко символично: ученый всегда не только обладает пытливым умом, видит связь явлений, но и в малом прозревает истинно ценное, как в этом родничке, за который и сам бы жизнь отдал. Маленький и беспомощный перед палкой человека, родничок питает мир леса в буквальном и фигуральном значении.

Большой роман, посвященный ряду современных социально-политических, социально-нравственных проблем, на поверку оказывается сложным романом о человеке в обществе, на которого и можно, и нужно положиться в больших и малых делах, потому что каждую проблему он видит разом и со всех сторон. И в этом смысле роман, можно сказать, автобиографичен, потому что человеческий тип, созданный в романе образом профессора Вихрова, не просто родственно близок автору, он ему синонимичен. Не случайно, прочитав роман «Соть» (а там писатель говорит о человеке и природе тоже), М. Горький в статье «О литературе» утверждал: «Л. Леонов написал книгу «Соть», взяв для нее материалом именно текущую действительность. И – представьте! – получилось именно “подлинное творчество”, замечательная вещь, написанная вкуснейшим, крепким, ясным русским языком, именно – ясным; слова у Леонова светятся. А действительность он знает,

как будто сам ее делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и – для больших дел. И он хорошо понимает, что действительность надобно знать именно так, как будто сам ее делал» [3, с. 255]. Прочитал бы М. Горький «Русский лес» и точно нашел бы не менее убедительные слова о таланте писателя, потому что, изображая человека и его Родину, Л. Леонов понимает, что его герой не решает частную проблему экологии, но, как ученый, разом решает и частные, и общие проблемы, а объединяющей оказывается задача служения Родине. В книге «Золотая роза», опубликованной через год после выхода романа Л. М. Леонова, в 1955 году, в одном из ее этюдов К. Г. Паустовский не случайно устами своего героя-лесника объясняет смысл и родство слов: «Да вот этот самый родник. Я это слово давно приметил. Все его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется-течет через всю нашу матушку землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как это складно выходит, – родник, родина, народ. И все эти слова как бы родня между собой. Как бы родня!» [12, с. 360]. Слово «родник» – однокоренное со словами «родина», «родня», «род», «народ», это определяет, связывает народная речь. Так утверждает Л. М. Леонов, создавая подлинный характер гражданина и ученого, и Иван Вихров несет в своей душе мирочувствование мальчика, ребенка, родственного деду Калине, и сосне, которая рухнула под топором купца, а с другой стороны, это родство с каждым деревом, с каждым человеком. И оттого, что так мыслит и живет ученый, он одновременно не может не быть практиком, лесником.

Если бы в мире больших ученых не было карьеристов, эгоцентриков, хитрецов, – говорит писатель, – их надо было выдумать, потому что единственно правильный ответ на судьбоносные вопросы Отечества и мира никогда и никому не давался безапелляционно и моментально.

Ученый понимает, что есть лес русской жизни, русского человека, русской истории. Другими словами, родник питает и древо жизни вообще, древо рода, и древо народа, о чем поэтически точно говорит И. А. Бродский, написавший в 1965 г. замечательное стихотворение «Мой народ», в котором он выражает свое понимание русского мира, себя, русского народа:

Лишь народ может дать высоту, путеводную нить,
Ибо не с чем свой рост на отшибе от леса сравнить.

Припадаю к народу. Припадаю к великой реке.
Пью великую речь, растворяюсь в ее языке.
Припадаю к реке, бесконечно (так у автора – Ш. Л.) текущей вдоль глаз
Сквозь века, прямо в нас, мимо нас, дальше нас.
И. Бродский, 1965.

Складывается такое впечатление, что в стихотворении Иосифа Бродского сжаты законы жизни всякой творческой личности, поэта, ученого, любого человека. В романе же при пере выборах заведующего кафедрой большинство коллег голосует за Вихрова, они знают, кто приближает науку о лесе к жизнестроительным истинным результатам, а кто – нет. Народ «стал бы судить стороны не по благонадежности их деклараций, не по длительности шумовых эффектов, а по количеству производимых ими ценностей» [9, с. 706], поэтому Грацианский, который «на отшибе от леса», не способен со своими трудами так же обратиться к народу, как Вихров, который всегда внутри леса.

Выводы. Дерево в судьбах человечества (дерево жизни, дерево веры) – важный компонент в культуре, у Л. М. Леонова обосновывается подобное отношение и к лесу, как к народу. Образ ученого, полагает писатель, – образ хранителя леса. Противостояние внутри научного сообщества в романе очевидно. Такой тип ученого, каким выведен Грацианский,

кабинетный ученый, ученый самовлюбленный, по всем позициям противоположен Вихрову – хранителю леса, не эмпирически мыслящему, а идущему путем, сформулированным философом: «Начинается борьба убеждений. Сначала это будет рознь и множество заблуждений, но потом одолеет истина, потому что она сильнее всего» [13, с. 61]. Утверждение истины, полагает ученый, всегда проходит тернистый путь.

В научном исследовании ученый не может пренебречь родным, иначе он погибнет как человек от вражеской пули или будет раздавлен вражеским танком, – не случайно война проходит через все произведение. Исторический фон, на котором разворачиваются события, очень важен, во-первых, потому, что образ Великой Отечественной войны тогда звучит не просто как война Советского Союза с фашизмом, а как война всех добрых сил против всяческого зла, она рифмуется с противостоянием жизни и смерти, энтропии и возрастания духовной энергии. И это не только конфликт двух ученых, как говорит Вихров, в беседе: схватка лесохозяйственных идей перерастает в борьбу политическую. В этом нас убеждает все содержание романа: это не просто борьба природы против собственного истребления, это важнейший цивилизационный конфликт сохранения природы и человеческого духа не только в Советском Союзе, но и вообще в мире.

В итоге следует заключить, что идеи ученых-философов обрастают многими художественными смыслами, превращаясь в леоновский образ идеи. А. А. Потебня утверждает, что в каждом произведении создается свой образ идеи [11, с. 125], который, как видим, будет проявляться и в образе героя такого типа ученого, как Вихров, и в образе такого его антипода, как Грацианский. Леонову-художнику важен сравнительно-исторический взгляд на события, ему важно показать, на чьей стороне истина и какова подлинная цель научного исследования. Основная историческая тема романа, Великая Отечественная война, – это борьба народа с захватчиками, с врагами Отечества, но у Леонова Родина нуждается в защите не только от внешнего агрессора, но и от бездумного воздействия цивилизации. То, что кажется спором ученых или конфликтом двух научных школ, научных позиций, в итоге представляется конфликтом цивилизации и природы. Без нравственного отношения к человеку и миру не может существовать и осуществляться, реализовываться никакая цель приближения к истине ни на уровне абстрактной идеи, ни на уровне заботы о природе, ни на уровне заботы о Родине, ее будущности. Изображая оппозицию двух противостоящих друг другу ученых – Ивана Вихрова и Александра Грацианского, писатель указывает, что основной путь научного знания – это не исключительное кабинетное знание и опровержение сказанного другими, а знание жизни, знание традиций, знание корней и устремленность в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванюков А. И. Лекция профессора Вихрова в структуре романа Л. Леонова «Русский лес» // Родное и вселенское: национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика) : сб. науч. трудов междунар. науч. конф., Ульяновск, 04–05 октября 2019 года / отв. редактор А. А. Дырдин. – Ульяновск, 2020. – С. 117–133.
2. Вернадский В. И. Отдел 3. Новое научное знание и переход биосферы в ноосферу // Научная мысль как планетное явление. 1936–1938 [Электронный ресурс]. – URL : <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html> (дата обращения: 10.02.2023).
3. Горький А. М. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 25. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953. – 520 с.
4. Дырдин А. А. Война в образно-символическом мышлении Л. М. Леонова // Литература о войне: эволюция смыслов и трансформация образов : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – С. 15–24.
5. Зотов Н. Человек и природа в «Русском лесе» // Большой мир: статьи о творчестве Л. Леонова : сб. науч. конф. – М., 1972. – С. 189–196.
6. Казаченко О. В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – М. : МГПУ, 2021. – 42 с.
7. Кузнецов Ф. Ф. Слово о Леониде Леонове // Век Леонида Леонова: проблемы творчества. Воспоминания : сб. науч. конф. – М., 2001. – С. 156–167.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 29 т. Т. 29. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – 807 с.

9. *Леонов Л. М.* Русский лес. – М. : Советский писатель, 1970. – 464 с.
10. *Леонова Н. Б.* Неизвестный Леонов // Наука и жизнь. – 1998. – № 12 [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.nkj.ru/archive/articles/10056/> (дата обращения: 06.11.2023).
11. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
12. *Паустовский К. Г.* Золотая роза // Паустовский К. Г. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. – М. : Художественная литература, 1967. – 526 с.
13. *Циолковский К. Э.* Научная этика [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/09/75-tsiolkovsky-nauchnaya-etika.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).

Статья поступила в редакцию 17.04.2023

REFERENCES

1. Vanyukov A. I. Lekciya professora Vihrova v strukture romana L. Leonova «Russkij les» // Rodnoe i vselenskoe: nacional'noe svoeobrazie i mirovoe znachenie russkoj literatury (estetika, tradicii, etnotopika) : sb. nauch. trudov mezhdunar. nauch. konf., Ul'yanovsk, 04–05 oktyabrya 2019 goda / otv. redaktor A. A. Dyrdin. – Ul'yanovsk, 2020. – S. 117–133.
2. Vernadskij V. I. Otdel 3. Novoe nauchnoe znanie i perekhod biosfery v noosferu // Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. 1936–1938 [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/thought.html> (data obrashcheniya: 10.02.2023).
3. Gor'kij A. M. Sbranie sochinenij : v 30 t. T. 25. – M. : Gos. izd-vo hudozh. lit., 1953. – 520 s.
4. Dyrdin A. A. Vojna v obrazno-simvolicheskom myshlenii L. M. Leonova // Literatura o vojne: evolyuciya smyslov i transformaciya obrazov : mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2020. – S. 15–24.
5. Zotov N. Chelovek i priroda v «Russkom lese» // Bol'shoj mir: stat'i o tvorchestve L. Leonova : sb. nauch. konf. – M., 1972. – S. 189–196.
6. Kazachenko O. V. Struktura i sodержanie aksiologicheskoy sfery russkogo obraza mira v XXI veke : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. – M. : MGPU, 2021. – 42 s.
7. Kuznecov F. F. Slovo o Leonide Leonove // Vek Leonida Leonova: problemy tvorchestva. Vospominaniya : sb. nauch. konf. – M., 2001. – S.156–167.
8. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij : v 29 t. T. 29. – M. : Izd-vo polit. lit., 1969. – 807 s.
9. Leonov L. M. Russkij les. – M. : Sovetskij pisatel', 1970. – 464 s.
10. Leonova N. B. Neizvestnyj Leonov // Nauka i zhizn'. – 1998. – № 12 [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.nkj.ru/archive/articles/10056/> (data obrashcheniya: 06.11.2023).
11. Potebnya A. A. Estetika i poetika. – M. : Iskusstvo, 1976. – 614 s.
12. Paustovskij K. G. Zolotaya roza // Paustovskij K. G. Sbranie sochinenij : v 8 t. T. 3. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1967. – 526 s.
13. Ciolkovskij K. E. Nauchnaya etika [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/09/75-tsiolkovsky-nauchnaya-etika.pdf> (data obrashcheniya: 16.03.2023).

The article was contributed on April 17, 2023

Сведения об авторе

Ши Луна – аспирант кафедры русской литературы XX–XXI вв. Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0005-2335-3188>, 1214596318@qq.com

Author Information

Shi Lina – Post-graduate Student, Department of Russian Literature of the 20th-21st Centuries, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0005-2335-3188>, 1214596318@qq.com